

В.Ф. Ширяев
Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
А.Б. Крылова
Вологодский государственный университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Статья посвящена лингвистическим проблемам в уголовном праве России, а также содержит предложения по их разрешению с учетом современных механизмов формулирования: определений, терминов, понятий.

Определения, термины, понятия, корысть, состав преступления, несовершеннолетние.

The article deals with language problems in criminal law in Russia. It also provides some suggestions how to resolve contradictions in the Russian Criminal Code by using modern mechanism of stating specifications, terms and definitions.

Specifications, terms, definitions, mercenary motives, components of crime, the underage.

Введение

Российская юридическая лингвистика последовательно развивается. Заметным этапом в ее совершенствовании является процесс разработки и принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, когда группа ведущих российских ученых в области уголовного права обобщила отечественный и зарубежный опыт, теоретические исследования в формулировании закона, усовершенствовала определения основных понятий и терминологию. Несмотря на существенное развитие уголовного права, в нем и в настоящее время имеют место некоторые лингвистические недочеты. В ряде статей Уголовного Кодекса РФ имеют место недостатки формулировок, связанных с употреблением терминов «корысть», «несовершеннолетие», «состав преступления», которые осложняют процесс правоприменения. Это предопределяет актуальность тематики статьи.

Цель работы заключается в выявлении лингвистических пробелов в уголовном праве России и внесении предложений по их устранению. В основе проведенного исследования заложен анализ нормативных актов и теоретических источников, а также проведен лингвистический анализ уголовно-правовых терминов.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы социально-правовой деятельности: диалектический и логический методы познания, анализ и синтез, системный подход, сравнительно-правовой и др. Их применение в сочетании с последними достижениями юриспруденции и лингвистики позволили внести предложения по изменению действующего законодательства.

Исследования могут быть полезны как при подготовке нормативных актов в правоприменении, так и при теоретических изысканиях в рамках бурно развивающейся юрислингвистики.

Основная часть

Основные лингвистические проблемы в уголовном праве России выражены в несовершенстве определений и неудачном использовании терминов и понятий.

В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дана достаточно краткая характеристика определения – «Определение научное, краткое означение сущности, признаков предмета» [9, с. 419].

Слово «определение» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой уточняется как «объяснение (формулировка), раскрывающее, разъясняющее содержание, смысл чего-н., дефиниция» [6, с. 456]. Более подробно содержание понятия «определение» дается в современном философском словаре: «Структурно о. представляет собой суждение, связывающее два понятия: термин, обозначающий и выражающий понятие о. ... О. является важным элементом и содержательных и формализованных теорий, а потому, как предмет исследовательского внимания, всегда обращало на себя внимание не только в структуре логических и лингвистических разработок, но и в более широком философском контексте. Начало разработки темы о. восходит к трактату Демокрита «О логике или Каноны», дефиниция – это один из сократических методов. Основным логическим методом о. понятия является о. через ближайший род и видовое отличие, хорошо известное уже Платону и получившее точную формулировку у Аристотеля. Особым видом такого о. является генетическое о. В зависимости от того, что в понятии подлечит о. – предметная сторона (экстенционал) или значение термина (интенционал) – все о. делятся на реальные и номинальные о. соответственно. О. может быть как в рассмотренной выше, т.е. явной, так и в неявной (контекстуальной) форме» [2, с. 490].

Известны в философии также другие подходы к формулированию определений: остенсивные (прямое указание), операциональные, синтаксические, непредикативные, через абстракцию и др. В традиционной логике, начиная с Аристотеля, существуют следующие принципы формулирования определений: соразмерности, ясности и однозначности (не могут содержать непонятные и неопределенные термины или быть двусмысленными), запрета порочного круга (запрет тавтологии), запрета отрицания (не должно заключать в себе отрицание). В то же время они не являются исчерпывающими [2, с. 490].

Проанализируем некоторые определения в уголовном праве в контексте лингвистического подхода.

Недочеты, касающиеся неточности используемой терминологии, имеют место в примечании к ст. 158 УК РФ, где дано определение хищения: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В уголовном праве достаточно устойчивы определения понятий «цель» и «мотив».

«Цель преступления – это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления» [13, с. 811]. Цель всегда достаточно конкретна: «лишить жизни человека», «завладеть чужим имуществом» и т.д.

«Мотив преступления... – осознанное внутреннее побуждение, которое вызывает у человека решимость совершить преступление и которым он затем руководствуется при его осуществлении...» [7, с. 1634]. Мотивами при совершении преступления могут быть: корысть, вражда, месть, злоба, ненависть и др.

В примечании к ст. 158 смещены понятия «цель» и «мотив». Исходя из того, что в уголовном праве «корысть» общепризнанно считается мотивом преступления, то этим термином нельзя обозначать его цель. В Уголовном Кодексе достаточно широко используется термин «корыстные побуждения» (ст. 105, 126, 154, 155 и др. УК РФ) [11, с. 48, 56, 57, 76]. Он был бы как раз уместен в определении хищения, которое могло бы выглядеть следующим образом: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные из корыстных побуждений противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В уголовном праве пока не разрешен вопрос закрепления в УК РФ определения состава преступления. Несмотря на это, ст. 8 Уголовного Кодекса гласит: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления». Кроме этого в части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального Кодекса РФ конкретно предписано, что «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям... 2). Отсутствие в деянии состава преступления; ...»

Отсутствие в УК РФ определения, что подразумевается под понятием «состав преступления», не обеспечивает однозначности предписания правоприменителю. Оно похоже на указание из русской народной сказки «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

В научной и учебной литературе также пока не выработано единого подхода к определению состава преступления. Следует согласиться с Н.Г. Назаренко, который отмечает, что «в юридической литературе понятие «состав преступления» является дискусси-

онным. Одни ученые (А.А. Пеонтовский, Н.Ф. Кузнецова и др.) традиционно понимают под составом преступления совокупность (систему) элементов и признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление.

Другие авторы (В.Н. Петрашов, И.Я. Козаченко) трактуют состав преступления как «законодательную модель», которая содержит необходимые и достаточные для привлечения к уголовной ответственности и квалификации признаки преступления.

Третьи (В.Е. Жеребкин, И.П. Малахов) считают, что состав преступления – это «научная абстракция», посредством которой характеризуются системные признаки преступления» [4, с. 55].

Преимущественное большинство российских ученых определяют состав преступления как совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3, с. 863].

В.Н. Кудрявцев уточняет: «Состав – это не только совокупность, а строгая система признаков преступления», а также предлагает: «...считать необходимым и единственным основанием уголовной ответственности, а поэтому и юридическим основанием квалификации преступлений» [3, с. 59, 61].

Все вышеизложенное в отношении понятия «состав преступления» предопределяет необходимость единой формулировки определения этого понятия и закрепления в уголовном законе.

Учитывая вышеизложенные научные подходы и принципы формулирования определений, целесообразно характеризовать состав преступления как систему для квалификации преступления, состоящую из объективных и субъективных признаков, определенных уголовным законом [12, с. 17].

Заменяя общепринятое слово «совокупность» на слово «система», мы наделяем определение большим содержанием, учитывая теорию системного подхода, а также, обозначая ее как основание для квалификации преступления, указываем на ее главное предназначение.

Недочеты Уголовного Кодекса РФ имеют место также в неточном подборе и формулировании законодателем некоторых терминов и понятий.

В толковом словаре омонимов русского языка дается двойное понятие слова «термин»: «Слово или словосочетание, обозначающее строгое определенное понятие в какой-л. профессиональной среде» [1, с. 1188]. Примерно в таком же ключе определяется понятие «термин» и в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Слово или словосочетание – название определенного понятия какой-н. специальной области науки, техники, искусства» [6, с. 795]. В том же словаре раскрывается слово понятие как «логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений,...» [6, с. 561]. Понятие – это «в логике мысль или система мыслей, в которой обобщаются и выделяются предметы, исходя из существенных общих и совокупности специфических для них признаков» [5, с. 1009].

В УК РФ широко используется слово «несовершеннолетние» и вполне логично в ст. 87 данного ко-

декса раскрывается содержание этого термина: «Не-совершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет». Однако в ряде статей Особенной части УК законодатель необдуманно использует термин «несовершеннолетние».

Статья 150 УК гласит: «Вовлечение *несовершеннолетнего* в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом,... наказывается лишением свободы на срок до пяти лет». Статья 151 УК РФ сформулирована подобным образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством... ..наказывается обязательными работами... .., либо лишением свободы на срок до четырех лет».

Законодатель, формулируя диспозиции ст. 150 и 151 УК РФ с использованием термина «несовершеннолетние», неосознанно исключает уголовную ответственность лиц, вовлекших в совершение преступления, а также в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством *малолетних граждан*, т.е. детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В то же время любой здравомыслящий человек понимает, что вовлечение малолетнего (не достигшего четырнадцатилетнего возраста) в совершение преступления или в систематическое распитие спиртных напитков более опасно, чем совершение этих действий в отношении несовершеннолетнего (достигшего четырнадцати лет и не достигшего восемнадцати лет).

Рассмотренная выше ошибка в ст. 150 и 151 Уголовного Кодекса РФ может быть устранена заменой термина «несовершеннолетний» на «лицо, не достигшее совершеннолетия». В этом случае ст. 150 УК РФ будет гласить: «Вовлечение лица, не достигшего совершеннолетия, в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом... ..наказывается лишением свободы на срок до пяти лет». Новая формулировка диспозиции ст. 150 УК РФ вполне логично будет охватывать уголовно-правовой защитой не только несовершеннолетних, но и малолетних. Аналогично должна быть изменена и диспозиция ст. 151 УК РФ.

Может быть и другой вариант устранения ошибки в статьях 150 и 151 УК по примеру построения ст. 242 и 242², где в диспозиции основного состава вполне логично указан термин «несовершеннолетний», а в квалификационном составе указан термин «лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста». В ст. 242² определено: «1. Фото-, кино- или видеосъемка несовершеннолетнего в целях изготовления и (или) распространения порнографических материалов или предметов, либо привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, совершенное лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, – наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет...»

2. Те же деяния, совершенные:

...

в) в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

...

Наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет...»

В то же время второй рассмотренный вариант мы считаем менее приемлемым, так как чрезмерно усиливается жесткость наказания, а для русского уголовного права со времен Екатерины II его эффективность традиционно оценивается не жесткостью наказания, а неотвратимостью уголовной ответственности.

Двойственность указания с противоположной значимостью носят нормы, связанные с освобождением от уголовной ответственности при добровольном отказе от преступления, в примечаниях к пятнадцати статьям УК РФ (126, 127¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 210, 212, 282¹, 282², 282³, 284¹, 322², 322³). Указание законодателя в этих статьях равносильно известному изречению «казнить нельзя помиловать».

Например, в примечании к ст. 126 «Похищение человека» определено, что «лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Как быть, если похищенный освобожден, но выяснилось, что преступник также угнал чужой автомобиль? Имеется наличие другого состава преступления. Из содержания примечания не понятно предписание правоприменителю:

1) освободить от уголовной ответственности за похищение человека (ст. 126), но не освобождать за угон автомобиля;

2) не освобождать за оба преступления.

Аналогично сформулированы примечания и к другим указанным выше статьям.

Сложность применения норм, изложенных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, касающихся добровольного отказа от преступления, побудила законодателя изменить содержание некоторых из них. В первоначальных редакциях УК РФ в ст. 222 (Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и 223 (Незаконное изготовление оружия) имелись однотипные двусмысленные примечания «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, *если в его действиях не содержится иного состава преступления*» [10, с. 94, 95]. Правоприменителю также было не понятно, освобождать или не освобождать лицо от уголовной ответственности за изготовление оружия, которое он добровольно сдал, если в его действиях содержится иной состав преступления. Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 306-ФЗ содержание примечаний этих статей было изменено, и они сформулированы достаточно конкретно: «Лицо, добросовестно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, *освобождается от уголовной ответственности по данной статье*». В подобном изменении нуждаются

и примечания к статьям 126, 127¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 210, 212, 282¹, 282², 282³, 284¹, 322², 322³, что исключит двойственность предписания правоприменительно. Например, по аналогии со ст. 222 и 223 УК редакции примечаний к ст. 126, 206, 208 УК РФ и других при их изменении могут носить достаточно четкие предписания.

«Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности по данной статье» (ст. 126);

«Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности по данной статье» (ст. 206);

«Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности по данной статье» (ст. 208).

Выводы

Анализ лингвистических проблем в уголовном праве России позволил: внести предложение по изменению определения хищения в примечании к ст. 158 УК РФ; устранения ошибки в формулировании ст. 150 и 151 УК РФ; конкретизировать ст. 126, 206, 208 УК РФ и некоторые другие с целью однозначности их восприятия при добросовестном отказе от преступления лица, его совершившего; определить состав преступления как «систему, являющуюся основанием для квалификации преступления, состоящую из объективных и субъективных признаков, определенных уголовным законом».

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. М., 2007. 1406 с.
2. Кислов А.Г. Определение или дефиниция // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемеров. М., 2004. С. 490–491.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. 304 с.
4. Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. 256 с.
5. Новейший энциклопедический словарь. М., 2007. 1424 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.
7. Побегайло Э.Ф. Мотив преступления // Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. 549 с.
8. Рарог А.И. Гл. 4. Уголовная ответственность и состав преступления как ее основание // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М., 2011. С. 73–94.

9. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / Сост. Н.В. Шахматова и др. СПб., 2004. 736 с.
10. Уголовный Кодекс Российской Федерации. М., 2002. 155 с.
11. Уголовный Кодекс Российской Федерации. М., 2016. 240 с.
12. Ширяев В.Ф. Место признаков (элементов), относящихся к потерпевшему, в системе состава преступления // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 15–18.
13. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2010. 797 с.

References

1. Efremova T.F. *Tolkovy slovar' omonimov russkogo iazyka: 20 000 riadov omografov* [Explanatory dictionary of the homonyms of the Russian language]. Moscow, 2007, 1406 p.
2. Kislov A.G. *Opredelenie ili definitsiia* [Definition or delineation]. Moscow, 2004, pp. 490 – 491.
3. Kudriavtsev V.N. *Obshchaia teoriia kvalifikatsii prestuplenii* [The general theory of definition of crimes]. Moscow, 2004, 304 p.
4. Nazarenko G.V. *Russkoe ugovnoe pravo. Obshchaia chast'* [The Russian Criminal Law. The general part: the course of lectures]. Moscow, 2000, 256 p.
5. *Noveishii entsiklopedicheskii slovar'* [The newest encyclopedic dictionary]. Moscow, 2007, 1424 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1999, 944 p.
7. Pobegailo E.F. *Motiv prestupleniia. Rossiiskaia iuridicheskaiia entsiklopediia* [The motive of the crime. The Russian law encyclopedia]. Moscow, 1999, 549 p.
8. Rarog A.I. *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [The criminal law of the Russian Federation]. Moscow, 2011, pp. 73–94.
9. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka V.I. Dalia* [Dal's explanatory dictionary of the Living Great Russian language]. St-Petersburg, 2004, 736 p.
10. *Ugovnyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii* [The criminal code of the Russian Federation]. Moscow, 2002, 155 p.
11. *Ugovnyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii* [The criminal code of the Russian Federation]. Moscow, 2016, 240 p.
12. Shiriaev V.F. *Mesto priznakov (elementov), otnosiashchikhsia k poterpevshemu, v sisteme sostava prestupleniia* [Elements essential to the offences related to the victim in corpus of the crime]. *Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskii zhurnal Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii. Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Vologda Institute of the Law. Crime, punishment, reformation], 2013, № (22), pp. 15–18.
13. *Entsiklopediia ugovnogo prava* [Encyclopedia of the criminal law]. St-Petersburg, 2010, 797 p.